

Денис Бутин

Алёна Малова. Часть вторая

18+

Денис БУТИН

Алёна Малова. Часть вторая

«Автор»

2026

Бутин Д. В.

Алёна Малова. Часть вторая / Д. В. Бутин — «Автор», 2026

Россия, начало 1990х — время, когда привычный мир рушится, а на обломках старого порядка стремительно вырастает новый, жестокий и беспощадный. Город оказывается во власти уличных группировок, где сила решает всё, а человеческая жизнь порой стоит дешевле пачки сигарет. В центре водоворота криминальных разборок и больших денег — журналистка Алёна Малова. Её острые статьи в газете «Камские зори» бьют точно в цель и вскрывают тёмные схемы местных авторитетов. Но чем глубже Алёна погружается в расследование, тем яснее понимает: правда может стоить ей жизни. Смерть лидера группировки «40 штат» Консула становится лишь первым звеном в цепи событий, способных перевернуть весь криминальный уклад города. На пути к истине Алёна не одинока: ей помогают те, кто когда-то был частью этого мира, но теперь хочет искупить вину. Бывший участник группировки Дмитрий Селиванов, рискуя собой, делится знаниями о теневой стороне города.

© Бутин Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 20. Эра и её тени	5
Глава 21. У ворот больницы	9
Глава 22. Консул	13
Глава 24. Стрелка на пустыре	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Денис Бутин

Алёна Малова. Часть вторая

Глава 20. Эра и её тени

Март 1992 года встретил город промозглой сыростью: мокрый снег налипал на карнизы, стекал по стёклам грязными струями, а ветер, пробираясь сквозь щели в оконных рамах, выстукивал даже самые тёплые помещения. Но в ресторане «Эра» было жарко — не только от мощных калориферов, гнавших сухой, перегретый воздух, но и от накала разговоров за отдельным столиком в глубине зала.

Владимир Смургин сидел, откинувшись на высокой спинке кресла, и барабанил пальцами по столешнице — нервный, нетерпеливый ритм, совсем не вязавшийся с его нарочито расслабленной позой. Перед ним стояла нетронутая рюмка водки, рядом — тарелка с тонко нарезанной бужениной, к которой он не притронулся.

Напротив, вольготно раскинувшись, сидел Талгат Исмагилов, он же Сипок. Он лениво крутил в пальцах серебряную зажигалку, щёлкая крышкой, и время от времени бросал короткие, цепкие взгляды то на Владимира, то на Лечи Бараева, который сидел справа от него, прямой и неподвижный, словно высеченный из камня. Лечи был одет строго: тёмно-серый костюм, белая рубашка, галстук в тонкую полоску. В отличие от остальных, он не прикасался ни к еде, ни к напиткам. Его чёрные, глубоко посаженные глаза внимательно следили за каждым движением собеседников.

Рядом с мужчинами, будто яркие, но безжизненные декорации, сидели девушки. Светлана Михайлова сидела ближе всех к Талгату Исмагилову, но смотрела не на него, а на Владимира — в её взгляде читалось напряжённое ожидание. На ней было чёрное платье с открытой спиной, но плечи она всё равно поёживала, словно ей было холодно.

— Да что ты кипяتيشся, Володя? — Талгат наконец перестал щёлкать зажигалкой и положил её на стол. Звук получился неожиданно громким, будто выстрел в тишине. — Газета эта... «Камские Зори»... Кто их сейчас читает? Старики да библиотекари.

Смургин резко наклонился вперёд, и на его лице проступила та самая жёсткая складка, которая появлялась, когда он чувствовал угрозу своим интересам.

— А вот и не угадал, Талгат. Читают. И не просто читают — обсуждают. На заводе косятся, когда я прохожу. Даже кладовщики, которые раньше только шапку ломали, теперь в сторону смотрят. А всё из-за этой... этой... — он запнулся, пытаясь вспомнить имя, и раздражённо махнул рукой. — Как её там? Ну, той, что статью накатала. А! Да! Малова. Алёна Малова.

Светлана едва заметно вздрогнула, услышав имя, но тут же взяла себя в руки и потянулась к бокалу с шампанским. Её пальцы чуть дрогнули, когда она подносила его к губам, но никто, кроме неё самой, этого не заметил.

Лечи Бараев медленно, не спеша, перевёл взгляд на Владимира. Его голос прозвучал тихо, но в нём чувствовалась сила, привыкшая, что её слушают.

— Ты говоришь, она пишет про твой «Металлург-Сервис»? Про схемы с металлом? Про накладные?

Смургин кивнул, сжав зубы.

— Именно. Расписала всё: и про фиктивные поставки, и про то, как мы через кооператив деньги гоним. Будто сама сидела у меня в сейфе и в бумагах копалась. Откуда она это взяла? У меня там всё чисто!

Талгат фыркнул, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Чисто? Володя, ты сам знаешь, что «чисто» сейчас — это когда никто не смотрит. А она смотрит. И пишет. И самое паршивое — пишет так, что люди верят. У неё слог... цепкий.

— Так сделай что-нибудь! — рявкнул Смургин, теряя остатки самообладания. Он резко отодвинул рюмку, и та, покачнувшись, едва не упала. — Ты же тут всё держишь! Скажи своим, чтобы... ну, не знаю... припугнули её. Чтобы она поняла, что не стоит лезть, куда не просят.

Талгат прищурился, и в его взгляде мелькнуло что-то холодное, расчётливое.

— Припугнуть? Володя, ты в своём уме? Если мы сейчас к ней сунемся, она из этого такую историю сделает, что о ней не только в нашем городишке заговорят. Она в Москву напишет, в «Известия», в «Комсомолку»... И тогда уже не газета, а прокуратура к тебе придёт. А мне такие проблемы не нужны.

— Узнать бы ещё, кто ей стучит, — сквозь зубы бросил Смургин; губы его сжались в тонкую линию.

Лечи Бараев чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. Когда он заговорил, голос звучал ровно, но в интонации проскальзывал едва уловимый кавказский акцент.

— Есть другой путь, — произнёс он спокойно, но твёрдо. — Не силой. Хитростью.

Все трое повернулись к нему. Даже Талгат перестал ухмыляться и подался вперёд.

— Какой? — спросил Смургин уже тише, но в его голосе всё ещё слышалась злость, смешанная с надеждой.

Лечи чуть наклонил голову, его губы тронула едва заметная улыбка — не добрая, а скорее хищная.

— Пусть она сама докажет, что ничего не знает. Пусть ползет глубже. Туда, где правда не такая красивая, как ей кажется. Где грязь, где кровь, где настоящие игроки. Пусть она увидит, с кем связалась. И тогда она сама замолчит. Потому что страх — лучший редактор.

Светлана слушала, затаив дыхание, и в её голове билась одна мысль: «Алёна, беги! Пожалуйста, беги». Она хотела бы крикнуть это вслух, но знала — если откроет рот, сама окажется под ударом. Поэтому она только крепче сжала ножку бокала, чувствуя, как стекло впивается в пальцы.

Талгат медленно кивнул, будто взвешивая слова Лечи.

— Хитро, — протянул он. — Очень хитро. Пусть думает, что побеждает, а сама всё глубже в болото лезет. А когда поймёт, что выхода нет... тогда и решим, что делать.

Смургин потёр подбородок, и на его лице постепенно проступало выражение мрачного удовлетворения.

— Ладно, — наконец сказал он. — Пусть пока пишет. Но если она ещё хоть строчку про меня напечатает... Тогда уже никаких игр.

Он резко поднялся, стул с грохотом отъехал назад, и несколько голов в зале невольно повернулись в их сторону. Но Смургин этого не заметил. Он накинул пальто, бросил на стол несколько купюр и, не прощаясь, направился к выходу. Дверь за ним хлопнула, оставив после себя звенящую тишину.

Талгат проводил его взглядом, потом перевёл глаза на Светлану.

— Ну что, Светочка, — протянул он с той самой приторной ласковостью, от которой у неё всегда мурашки бежали по коже. — Раз уж вечер свободен, давай хоть потанцуем. А то сидим тут, как на похоронах.

Она натянуто улыбнулась, встала и позволила ему увести себя на танцпол. Музыка гремела, разноцветные огни мелькали перед глазами, но Светлана ничего не видела. Перед её внутренним взором стояло лицо Алёны — такое, каким она запомнила его в тот вечер под дождём: испуганное, но упрямое, полное решимости спасти подругу, даже ценой собственной безопасности.

Глава 21. У ворот больницы

Апрель 1992 года.

Ветер гнал по асфальту обрывки газет. Алёна Малова стояла в задумчивости у ворот городской больницы, кутаясь в поношенное пальто, с блокнотом в руках. На полях страницы она торопливо набрасывала заметки.

— Алёнка? — услышала она знакомый голос.

Приглядевшись, она заметила, как в её сторону направляется парень. На нём была стёганая телогрейка, выдавшие виды брюки, тяжёлые ботинки.

— Вот уж не думал тебя тут встретить, — сказал он, немного обрадовавшись, но, увидев настороженное лицо девушки, остановился. - Ты не узнаёшь меня? Я Дима. Дима Селиванов. Помнишь, тогда... на пляже познакомились, а после ещё гуляли в ресторане «Эра»?

— А-а... Вспомнила, — выдохнула Алёна, будто разом вытолкнула из груди застрявший воздух. — Как поживаешь? Ты что тут делаешь?

— Мать в терапии лежит. Давление. Каждый день прихожу, хоть слово какое услышу...

Они помолчали. Между ними висело не только прошлое, но и всё то, что они не успели сказать четыре года назад.

— У меня теперь семья, — сказал Дима, будто торопясь расставить всё по местам. — Недавно сын родился, назвали Колькой. Работаю на металлургическом, электриком. День ночь, отсыпной выходной. Живу по графику. Наверное, удивлена?

— Нет, — тихо ответила Алёна, поправляя воротник и прикрывая от ветра шею. — Почему же?

— Наверное, думала, что я по бандитской стезе пойду, — горько усмехнулся он. — А нет. Опротивело мне всё это. Знаешь, где большие шальные деньги, там много грязи, о которой даже не хочется вспоминать. Она липнет, въедается под кожу, и потом годами не отмоешься. Ты сама-то как? Как Светка поживает?

Когда произнёс последнюю фразу, Дима заметил, как что-то изменилось во взгляде Алёны — будто по нему скользнула тень, холодная и резкая. Он тут же запнулся, подбирая слова.

— Извини. Слышал о ней. Понимаю... сам виноват. Из-за меня такой она стала. Теперь понимаю: я просто сбежал, оставил её одну среди этих шакалов.

Увидев его грустный взгляд, Алёна попыталась его утешить:

— Дима, не вини себя. Каждый сам выбирает свою дорогу. Мы тоже виноваты в своих поступках.

— Всё равно чувствую себя виноватым, — упрямо повторил он. — Если смогу чем-то вам со Светкой помочь, обращайтесь. Помогу чем смогу.

Алёна на секунду задумалась, вглядываясь в его лицо, будто проверяя, можно ли ему доверять. И вдруг решила.

— Знаешь, в принципе, ты и правда можешь помочь.

Увидев, как ярко заиграли зрачки парня, она продолжила:

— Я здесь по заданию редакции. Работаю в газете «Камские зори» штатным корреспондентом. Слышал наверное?.

— Ну как же, читал твои статьи, — перебил её Дима, и в его голосе прозвучала искренняя гордость за неё. — Очень понравилось. Прямо в точку пишешь. Без красивых слов, зато честно.

— Спасибо, — чуть улыбнулась Алёна. — Знаешь, почему я здесь? Вчера ночью сюда привезли с огнестрельным ранением Консула, лидера группировки «40 штат». Он умер, не доехав до операционной. Парню было всего двадцать пять лет. Сейчас пытаюсь понять, кто и зачем это сделал. И главное — что теперь начнётся.

Дима резко побледнел, будто из него выкачали весь воздух.

— Консул мёртв... — глухо повторил он. — Костик... Хороший был парень. Мы с ним боксом занимались у одного тренера. Он никогда не лез вперёд, но, если видел несправедливость — не отмалчивался. Редко такие бывают. Жаль его.

Он сжал кулаки, но не от злости — от бессилия.

— Я помогу, — твёрдо сказал Дима. — Готов участвовать в твоём расследовании. Пусть эти статьи хоть немного смоят ту грязь, что я и такие, как я, приносили людям. Не прошу прощения. Просто дай шанс сделать хоть что-то правильное.

— Ты понимаешь, что это опасно? Если «30 штат» узнает, что ты помогаешь мне...

— Понимаю, — спокойно ответил он. — И всё равно хочу.

Он чуть помедлил, будто решаясь на что-то глубоко личное.

— Недавно крестился, — тихо произнёс он. — В церковь хожу. Не потому что вдруг стал святым. Просто... хочется верить, что можно хоть немного уравновесить то зло, что натворил.

Алёна взглядела в его лицо и увидела не оправдания, а усталость и решимость.

— Ладно, — наконец сказала она. — Договорились. Расскажешь мне всё, что знаешь про «30 штат»: кто наверху, какие точки на заводе, кто прикрывает. Любая мелочь может стать ключом.

Она протянула руку, и Дима, чуть помедлив, пожал её крепко, без лишней спешки.

Ветер снова рванул полы её пальто, и Алёна плотнее запахнулась, будто пыталась удержать внутри ту холодную решимость, которая только начала в ней просыпаться.

— Пойдём. Тут холодно стоять. Расскажешь по дороге — меньше шансов, что кто-то подслушает.

Дима шагнул рядом.

— Знаешь, — тихо сказала она, — когда ты говоришь, что хочешь всё исправить... я тебе верю.

Дима чуть запнулся.

— Спасибо, — выдохнул он. — Это... это самое трудное. Жить с тем, что натворил. Только сначала к матери зайду. Передам ей гостинцы. Уже заждалась, наверное.

— Хорошо, — чуть улыбнулась Алёна. — Зайдём.

Они шли дальше, и между ними больше не было неловкости.

Глава 22. Консул

Два года назад.

Дмитрий Селиванов вывалился из ресторана «Эра» в обнимку с девушкой лет восемнадцати, едва держась на ногах. Плечо Гузель стало его единственной опорой — без неё он бы рухнул прямо на тротуар. Ветер трепал полы его куртки, но Дима этого не чувствовал: внутри всё гудело от выпитого и от собственной злости, которая искала выход.

— Бросил Светку, так и ей надо, — бормотал он, уткнувшись в плечо Гузель. — Слишком много выпендривается, не понимает, кто я такой. Она должна была радоваться, что встречается со мной, а нет, только трепала мне нервы. С ней надо было иначе... жёстче. Сука...

Гузель морщилась, но терпела. Она знала: сейчас лучше не спорить, не лезть с вопросами. Они прошли метров пятнадцать, и силы у девушки кончились.

— Я устала, ты тяжёлый, — резко выдохнула она, останавливаясь. — Давай присядем.

Во дворе, в полумраке, тускло светилась старая скамейка — её деревянные рейки давно рассохлись, а краска на бетонных ножках немного облупилась от дождей и ветров. У самого края тротуара темнела глубокая выбоина, залитая дождевой водой; в ней дрожало отражение тусклого фонаря. Они опустились на скамейку, и Дима тут же обмяк, будто из него выпустили воздух. Голова кружилась, мысли путались, а на языке всё ещё вертелись обидные слова про Светку — слова, которые он повторял, как заклинание, чтобы заглушить другое чувство: вину.

И тут из темноты, словно из ниоткуда, появились трое парней лет семнадцати. В их походке была та самая развязная уверенность, которая появляется у тех, кто привык брать своё силой. Один из них нарочно пнул пустую жестяную банку — она с грохотом прокатилась по асфальту, и этот резкий звук будто рассек тишину двора. Увидев пьяную парочку, они переглянулись, и в их взглядах мелькнуло предвкушение лёгкой наживы.

— Эй, мужик, есть чем поделиться? — выкрикнул один, подходя ближе. — А то видок у тебя больно мажористый. Мы тоже хотим сходить в ресторан.

Дима поднял мутный взгляд. В груди вспыхнуло раздражение, смешанное с какой-то отчаянной бравадой:

— Вы чё... ох... Вы хоть понимаете, кто я такой?

Он резко встал, качнулся, но удержался на ногах.

— Да нам пох... Ты лучше присядь и не вякай, — заявил один из троицы и толкнул Селиванова в грудь, отчего тот снова рухнул на скамейку.

— Ах ты, козёл! — воскликнул Дима, резко встал и врезал первому парню — не сильно, но достаточно, чтобы тот отлетел на шаг назад, растеряв на секунду свою наглость.

Это послужило сигналом. Трое накинулись разом. Удары сыпались один за другим, Дима пытался закрыться, но пьяная неуклюжесть делала его беззащитным. Он упал на колени, прикрывая голову. Троица начала его запинывать, попутно матеря его. Где-то в стороне жалобно залаяла собака, но тут же смолкла, будто кто то резко зажал ей пасть.

— Эй! Что там происходит! — раздался голос откуда-то из темноты.

Из темноты вышел Константин Истомин, он же Консул. Он двигался спокойно, без лишней спешки, но в каждом его шаге чувствовалась собранность человека, который знает, что делает. На фоне тусклого света фонаря его силуэт казался почти монолитным, а лёгкая тень от козырька кепки скрывала глаза, делая взгляд особенно холодным.

Избивавшая Диму троица даже не обратила на него внимания. Парни были слишком уверены в том, что в этом глухом уголке никто не посмеет им помешать. Только Гузель обратилась к Консулу с мольбой в голосе: «Помогите!».

Не раздумывая, не тратя времени на предупреждения, Консул шагнул в круг тусклого света. Первый из нападавших только и успел, что повернуть голову, как получил точный удар в челюсть. Второй попытался броситься на Костю, но тот ушёл в сторону, подставил подножку, и парень рухнул на асфальт, громко выдохнув от удара. Третий замешкался, будто вдруг осознал, что игра пошла совсем не по тем правилам, к которым он привык. Но и ему не дали времени на раздумья: короткий хук в корпус — и он отлетел к стене, оседая на корточки и хватаясь за рёбра. Всё заняло не больше десяти секунд. Бокс научил Консула не тратить силы впустую.

Когда последний из нападавших отлетел к стене и остался сидеть, прижимая руку к рёбрам, Костя подошёл к Диме, протянул руку:

— О! Димон! Какими судьбами! Как ловко они тебе отделали!

Тот лишь пробурчал:

— Они ответят за это! Им конец!

— Вставай, — спокойно сказал Истомин. — Хватит валяться.

Селиванов схватился за его ладонь, и только тогда почувствовал, как дрожат собственные пальцы.

— Спасибо... — прохрипел он, пытаясь выровнять дыхание. — Я у тебя в долгу.

Костя не ответил. Вместо этого он обернулся к Гузель, которая стояла в стороне, прижавшись к фонарному столбу. Он смотрел на неё так, будто оценивал, можно ли ей доверять.

— Домой её отведи, — наконец бросил он Диме. — И сам не пропадай. Завтра поговорим.

Гузель подошла, снова подставила плечо. Он оперся на неё тяжело, почти обвиснув, потому что ноги отказывались служить.

Пока они шли, в голове понемногу прояснялось. И вместе с ясностью приходило осознание: он только что чуть не погиб из-за собственной глупости, и, если бы не Костик, неизвестно, что с ним было бы. Он теперь ему обязан по гроб жизни.

Вдалеке проехала одинокая машина, её фары на мгновение выхватили из темноты старую детскую горку с облупившимся рисунком солнца. Двор медленно возвращался к своей привычной ночной тишине, будто и не было здесь ни драки, ни криков, ни внезапного появления Консула — только ветер шелестел сухими листьями у бордюров, да где-то высоко в окне погас свет.

Глава 24. Стрелка на пустыре

Октябрь 1990 года.

Промзона у недостроенного корпуса литейного цеха тонула в запустении. Бетонные плиты лежали кое-как, местами поросшие жёсткой травой, ржавые контейнеры стояли вкривь и вкось, кое-где прорастая жёсткой травой. Из недостроя торчала арматура. В воздухе висели запахи гари, мокрого бетона и промасленной ветоши. По растрескавшемуся асфальту катались пустые консервные банки, а в лужах тускло отражались редкие фонари.

«30 штат» пришёл первым. Основная масса пацанов была в спортивных костюмах, телогрейках, старых куртках — кто во что горазд, но некоторые уже щеголяли в польских кожаных куртках, которые считались особым шиком. Руки они прятали в карманах, где лежали кастеты, цепи, ножи.

Рудик мерил пустырь тяжёлыми шагами, лицо его было угрюмым, взгляд — цепким. Лицо его застыло в угрюмой маске, а взгляд, цепкий и холодный, скользил по пустому пространству, будто выискивал угрозу. На нём была потрёпанная, но всё ещё крепкая кожаная куртка, синие спортивные штаны с тремя белыми полосками и серая кепка-восьмиклинка с изогнутым козырьком. Он то надвигал её пониже, скрывая глаза, то резким движением сдвигал назад, открывая лоб, — привычный жест перед тем, как сказать что-то весомое. Чуть в стороне стояли его верные братки: Талгат Исмагилов, Дмитрий Селиванов и Лечи Бараев. В воздухе висело негласное понимание: кое-кто из них уже метил на его место.

Сипок скользил взглядом по местности: по тёмным провалам окон недостроя, по каждому подозрительному шевелению в темноте. Он просчитывал варианты: если начнётся драка, кто куда побежит, где можно прижать, а где — отступить.

Дима нервничал. В голове крутилась одна и та же мысль: «Костя меня вытащил из серьёзной передраги. Некрасиво будет, если я пойду против него — как-то не по-пацански». На нём была модная куртка «боинг» — добротная, с широкими плечами, будто специально скроенная, чтобы парень чувствовал себя увереннее.

— Не нравится мне это место, — буркнул Рудик, останавливаясь и вглядываясь в черноту недостроенного корпуса. — Если у них там засада...

Талгат спокойно покачал головой.

— У Консула не так много людей, чтобы устраивать засады. Он пацан ровный, не пойдёт на подлянку.

Рудик хмыкнул, но спорить не стал. Он знал: Талгат редко ошибается.

Талгат Исмагилов чуть помедлил, потом, будто невзначай, оттянул полу куртки и вытащил пистолет ТТ:

- Взял на всякий случай.

Рудик резко повернулся к нему. В глазах вспыхнуло раздражение, а в приглушённом голосе зазвенела злость:

— Ты чё, совсем с катушек съехал?! Убери, пока не поздно! - А чё такого? – удивился Сипок.

- Мы пришли дела решать, а не кровь лить! Мы не беспредельщики какие-нибудь!

Талгат не стал спорить. Спокойно поправил куртку, скрывая оружие.

— Понял.

Рудик только фыркнул, пробормотал сквозь зубы: «Отморозок!» — и отвернулся, снова вглядываясь в темноту.

Со стороны недостроя появились фигуры пацанов из «40-го штата». Они шли не спеша, ровной линией, будто единый механизм. Впереди — Консул. Шагал спокойно, без лишней бравады: руки в карманах, взгляд прямой. Рядом с ним — Руслан, его ближайший соратник: невысокий, жилистый, в поношенной телогрейке. На его лице редко появлялась улыбка, но в глазах всегда читалась готовность к любому повороту. За ними — Солёный: огромный, молчаливый, в спортивном костюме, с лицом, будто высеченным из гранита. Дальше шли ещё человек пятнадцать, не больше.

Когда две группы сошлись на пустыре между ржавыми контейнерами и стенами недостроя, между ними осталось метров пятнадцать. Ветер трепал полы курток и телогреек, а из проёмов недостроенного здания тянуло холодом и пылью.

Консул остановился первым, поднял руку, давая знак своим не двигаться дальше.

— Рудик, — произнёс он спокойно, но в голосе уже сквозила сталь. — Ты предложил встретиться. Вот мы здесь. Я тебя слушаю!

Рудик шагнул вперёд, оставив своих позади.

— Салям, Костя! Рад тебя видеть! Мы не хотим крови. В городе о тебе отзываются очень хорошо, я к тебе отношусь с уважением. Но у нас возникли тёрки, поэтому я позвал тебя. Проблемы нужно решать сейчас, иначе это может вылиться в кровопролитие, которое ни нам, ни вам не нужно. Мы хотим под себя взять несколько ларьков на рынке в 41-ом микрорайоне. Заметь, не весь рынок. Там идёт сбыт нашего товара, и справедливо будет, если мы будем держать эти точки.

Консул чуть прищурился, и в его взгляде мелькнуло раздражение.

— Рудик, я тоже отношусь к тебе с уважением, — жёстко произнёс он. — Но ты же понимаешь, что это наш район. И никого чужого мы сюда не впускаем. Если мы впустим вас, то как я буду выглядеть в глазах своих пацанов? Мы здесь все знаем друг друга с детства, и ни один чужак никогда не ступал ногой на нашу территорию. Так было всегда. Ты предлагаешь отступить от своих принципов? Если мы пойдём на уступки, нас в городе перестанут уважать.

Руслан, стоявший рядом, едва заметно качнул головой — мол, не кипятись, но Консул уже не мог сдержать накатившую волну.

— И ладно бы только точки, — продолжил он, голос стал ниже, злее. — Но я слышал, что твои пацаны ещё и молодёжь с наших дворов вербуют. Стягивают к себе, обещают «большие дела», «лёгкие деньги». Это вообще, как понимать?

Рудик дёрнул плечом, будто отмахиваясь от упрёка:

— Костян, ты пойми: ты мыслишь по старинке. Так жили во времена наших отцов. Ныне же жизнь пошла по новому руслу. Сейчас никто не мыслит территориями, а тем более дворами. Оглянись вокруг! Наступило время делюг, а делюга может быть на любой территории. Чья делюга, тот с неё и имеет бабки.

— Жизнь пошла, — процедил Консул. — А совесть куда пошла? Ты на моей территории хозяйничаешь, пацанов с района сманиваешь, а мне говоришь: «жизнь такая»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.